

Кросс-культурные детерминанты доверия к системам искусственного интеллекта (сравнительный анализ социально-психологических паттернов в России и странах Юго-Восточной Азии)

Макарошкина Наталия Викторовна

аспирант кафедры психологии личности в системах управления ФОиР ВШГУ Президентской академии, Москва, Российская Федерация

e-mail: nama67@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 5033-8455

Научный руководитель:

Овсяник Ольга Александровна

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности в системах управления ФОиР ВШГУ Президентской академии, Москва, Российская Федерация

e-mail: ovsianik@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 7718-3237

ORCID: 0000-0003-0274-1702

Аннотация

В статье анализируются кросс-культурные детерминанты доверия к системам искусственного интеллекта в российском и юго-восточноазиатском социокультурных контекстах. Цель исследования — выявление социально-психологических механизмов формирования доверия к искусственному интеллекту и их культурной обусловленности. Методы исследования - теоретический анализ, систематизация и обобщение научных источников, сравнительно-сопоставительный анализ подходов к доверию в системе «человек – искусственный интеллект» с использованием модели культурных измерений Г.Хофстеде и расширенной модели принятия технологий Ф.Дэвиса. Выявлены два доминирующих паттерна доверия: функционально-прагматический (Россия) и реляционно-гармонизирующий (страны Юго-Восточной Азии), различающиеся по роли неопределённости, институциональных факторов и социальных норм. Предложена концепция

культурной калибровки алгоритмов. Теоретическая значимость исследования связана с развитием кросс-культурного подхода к доверию к технологиям, практическая — с применением результатов при разработке систем искусственного интеллекта с учетом культурной специфики.

Ключевые слова

• искусственный интеллект • кросс-культурная психология • доверие к технологиям • культурные измерения • Россия • страны Юго-Восточной Азии • алгоритмическая этика •

Введение

Современная социально-технологическая парадигма характеризуется высокой скоростью взаимопроникновения инноваций, среди которых ключевое место занимают системы искусственного интеллекта (ИИ). Трансформация ИИ из специализированного инструмента в основу цифровой экосистемы общества сопровождается изменением организационной и социальной среды, перераспределением функций между человеком и технологическими системами, а также трансформацией моделей взаимодействия в условиях цифровизации [1]. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о социально-психологических механизмах принятия ИИ [7; 10]. В Российской Федерации данная проблематика приобрела стратегическое значение, что закреплено в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». В этих условиях доверие выступает не просто техническим параметром, а сложным психологическим конструктом, который определяет вектор развития и легитимизации интеллектуальных систем через призму уникальных социокультурных контекстов [3].

В отечественной науке теоретические основы изучения доверия к цифровым технологиям и анализа психологических рисков цифровизации разработаны А.Л. Журавлевым и Т.А. Нестиком [4; 5]. Современные зарубежные исследования показывают, что доверие к автоматизированным системам определяется не только характеристиками технологий, но и психологическими особенностями субъекта, включая восприятие риска, уровень неопределённости и готовность к делегированию контроля [20; 24]. Эти выводы подтверждаются отечественными эмпирическими исследованиями взаимодействия человека и интеллектуальных систем [2; 9].

Актуальность настоящего исследования обусловлена противоречием между универсалистской природой алгоритмических решений и спецификой национальных социально-психологических паттернов. Глобальные модели ИИ, разрабатываемые без учета этнопсихологических особенностей пользователей, сталкиваются с феноменом «алгоритмической резистентности», что соотносится с отечественными исследованиями цифровой социализации [8; 15]. В международных исследованиях также подчёркивается значимость культурных различий в формировании доверия к технологиям [21; 28].

Цель исследования – выявить кросс-культурные различия в социально-психологических механизмах формирования доверия к системам ИИ.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- концептуализировать доверие к ИИ как социально-психологический конструкт;
- проанализировать влияние культурных факторов на формирование алгоритмических аттитюдов;
- выявить специфику доверия к ИИ в российском социокультурном контексте;
- определить особенности реляционных моделей доверия в странах Юго-Восточной Азии;
- провести сравнительно-сопоставительный анализ выявленных моделей;
- разработать социально-психологические механизмы снижения «алгоритмической настороженности».

Объектом исследования выступает процесс социально-психологического восприятия систем ИИ в условиях цифровой трансформации. Предметом исследования являются кросс-культурные детерминанты, определяющие структуру и уровень доверия к алгоритмическим системам.

Исследование основано на интегративном подходе, объединяющем положения социальной психологии, психологии труда и теории коммуникации. В качестве теоретического фундамента используется сочетание модели культурных измерений Г. Хофстеде и расширенной модели принятия технологий (ТАМ) Ф. Дэвиса, что позволяет рассматривать доверие к интеллектуальным системам не только как индивидуально-психологическое явление, но и как феномен, обусловленный макросоциальными ценностными установками [7; 21].

В работе применены методы теоретического анализа, систематизации и обобщения научных источников, а также сравнительно-сопоставительный анализ, позволивший выявить различия в моделях доверия в российском и юго-восточноазиатском социокультурных контекстах.

Доверие к ИИ как социально-психологический конструкт

Доверие в системе «человек-ИИ» целесообразно рассматривать как многоуровневый конструкт, отражающий психологическую готовность субъекта делегировать часть функций интеллектуальной системе в условиях неопределённости и риска.

В отечественной традиции подобные установки анализируются через призму восприятия технологических рисков и уровня институционального доверия [4; 5].

В отличие от межличностного доверия, отношение к алгоритмическим системам формируется в условиях перераспределения когнитивных функций между человеком и технологией, когда ИИ начинает восприниматься как своеобразный «когнитивный протез», расширяющий возможности субъекта и трансформирующий представления о контроле и ответственности [11]. В этой связи доверие к ИИ приобретает специфическую структуру и включает три взаимосвязанных уровня.

Когнитивный уровень связан с оценкой надежности, предсказуемости и прозрачности системы. Ключевое значение здесь имеет объяснимость алгоритма – способность пользователя интерпретировать логику решений и прогнозировать их результаты [17; 19].

Аффективный уровень отражает эмоциональную реакцию на взаимодействие – от чувства уверенности до тревоги и недоверия, включая феномен «зловещей долины». Современные исследования свидетельствуют о том, что восприятие интеллектуальных и роботизированных систем определяется не только их техническими характеристиками и эффективностью работы, но и психологическими особенностями пользователя. В частности, важную роль играют

способность человека учитывать альтернативные точки зрения (децентрация) и степень переживаемой им уязвимости в процессе взаимодействия с технологией, что влияет на уровень доверия к ней и готовность использовать её рекомендации [23].

Поведенческий уровень выражается в готовности человека использовать интеллектуальную систему на практике, опираться на её рекомендации и принимать решения с учётом предлагаемых ею данных [20].

Эмпирические исследования показывают, что данные уровни формируются в контексте более широких социальных установок и представлений [2; 9].

Соотношение этих компонентов варьируется в зависимости от культурного контекста. Для объяснения различий продуктивен подход Г. Хофстеде, связывающий индивидуальные установки с системой ценностей общества [21]. Его исследования показывают, что культурные «программы» задают рамки восприятия технологических нововведений и распределения доверия между социальными институтами и техническими системами [21].

Адаптационные механизмы личности в условиях цифровой среды

Процесс формирования доверия к новым технологическим агентам неразрывно связан с механизмами социально-психологической адаптации личности к изменяющейся среде. В классическом понимании, представленном в работах О.А. Овсяник, социально-психологическая адаптация трактуется как процесс установления оптимального соответствия между личностью и окружающей средой в ходе осуществления деятельности, значимой для субъекта [13; 14]. Несмотря на то, что данная концепция формировалась вне цифрового контекста, она сохраняет методологическую релевантность для анализа включения искусственного интеллекта в жизненное пространство человека¹.

В условиях цифровой трансформации адаптация приобретает дополнительные измерения, связанные с необходимостью взаимодействия с автономными системами, функционирующими в условиях неопределённости и ограниченной прозрачности. Как показывают исследования отечественных авторов, отношение к технологическим инновациям, включая системы ИИ, определяется не только их функциональными характеристиками, но и уровнем развития когнитивных и регуляторных ресурсов личности, а также субъективным восприятием риска и неопределённости [4; 5; 6; 10].

В этом контексте доверие к ИИ может рассматриваться как один из возможных результатов адаптации субъекта к новой технологической реальности, в рамках которой происходит перераспределение функций между человеком и машиной, а также трансформация представлений о контроле и ответственности [9; 15]. Вместе с тем уровень доверия к интеллектуальным системам не всегда свидетельствует об успешной адаптации: в ряде случаев он может быть связан с недостаточной критичностью мышления, склонностью к некритическому принятию рекомендаций алгоритма или переоценкой его возможностей.

Г. Хофстеде предлагает удобный инструмент для анализа культурных различий, влияющих на формирование доверия к технологиям. В рамках данной модели культурные различия описываются через систему измерений, из которых для настоящего исследования наибольшее значение имеют избегание неопределённости, индивидуализм–коллективизм и дистанция власти [21].

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ № 490. URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 15.04.2026).

Избегание неопределённости (Uncertainty Avoidance Index, UAI) отражает степень дискомфорта, испытываемого членами общества в условиях неопределённости. Высокие значения этого измерения, характерные для российского социокультурного пространства, способствуют формированию запроса на регламентацию, контроль и снижение неоднозначности в различных сферах общественной жизни. Данная установка распространяется и на взаимодействие с системами искусственного интеллекта, от которых ожидаются прозрачность принципов функционирования и предсказуемость принимаемых решений. В этой связи прозрачность и интерпретируемость алгоритмов выступают важнейшими детерминантами доверия к автоматизированным системам [17; 20; 24]. Значимость указанных характеристик подтверждается и результатами социологических опросов, согласно которым российские пользователи демонстрируют повышенную чувствительность к уровню прозрачности цифровых систем и возможности понимания логики их работы².

Индивидуализм – коллективизм (Individualism vs Collectivism, IDV) отражает соотношение индивидуальных и групповых приоритетов в обществе. В коллективистских культурах восприятие технологий в большей степени опосредовано социальным контекстом, что усиливает роль межличностных факторов в формировании доверия. Межкультурные исследования показывают, что в таких условиях значение коммуникативных характеристик системы может превышать ещё функциональную эффективность [22; 28].

На практике это проявляется в разработке решений, ориентированных на культурную и языковую специфику пользователей³.

Дистанция власти (Power Distance Index, PDI) отражает степень принятия иерархических различий в обществе. Высокие значения этого параметра, характерные как для России, так и для ряда стран Юго-Восточной Азии, способствуют формированию доверия к технологиям, внедряемым через авторитетные институциональные каналы. В этом случае доверие носит опосредованный характер и зависит от легитимности источника внедрения технологии, что формирует предпосылки для патерналистской модели взаимодействия с ИИ [27; 29].

Технологические и культурные факторы принятия ИИ (расширенная модель TAM)

Теория принятия технологий (Technology Acceptance Model), предложенная Ф. Дэвисом, исходит из того, что намерение использовать технологию определяется двумя базовыми факторами – «воспринимаемой полезностью» и «воспринимаемой легкостью использования» [16]. Данная модель сохраняет эвристическую ценность и в контексте анализа взаимодействия человека с интеллектуальными системами.

Вместе с тем в рамках настоящего исследования представляется обоснованным дополнить эту модель переменной «культурной конгруэнтности», позволяющей учитывать социокультурные особенности восприятия технологий. Под культурной конгруэнтностью понимается степень соответствия операционной логики ИИ-системы морально-этическим и коммуникативным нормам конкретного общества.

² ВЦИОМ. Доверие к искусственному интеллекту в России: аналитический отчет. 2023. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

³ ASEAN Guide on AI Governance and Ethics. 2024. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

В российском контексте данная характеристика преимущественно связана с представлениями о безопасности, контролируемости и институциональной ответственности технологий, что отражается в действующих регуляторных и этических подходах к развитию искусственного интеллекта⁴ и согласуется с особенностями восприятия технологических рисков [4; 10].

Для пользователей стран Юго-Восточной Азии культурная конгруэнтность в большей степени проявляется через соответствие технологий нормам социальной гармонии, коллективистским ценностям и коммуникативным стратегиям, ориентированным на поддержание межличностного баланса. Эмпирические исследования показывают, что в подобных социокультурных условиях доверие к технологиям в большей степени опосредовано социальным контекстом взаимодействия [22; 28].

Таким образом, на пересечении модели принятия технологий и культурных факторов формируется предположение о существовании регионально обусловленных паттернов доверия: функционально-прагматического в российском контексте и реляционно-гармонизирующего в странах Юго-Восточной Азии [19; 27].

Социально-психологические предикторы доверия к ИИ в российском контексте

Переходя к анализу российского сегмента, следует отметить, что формирование установок к системам ИИ происходит в условиях сочетания высокой цифровой вовлеченности и устойчивого социокультурного скептицизма. В развитие положений Г. Хофстеде важно подчеркнуть, что российский профиль с высоким уровнем избегания неопределённости задает специфическую модель взаимодействия пользователя с автономными алгоритмами [21].

Предикторы «алгоритмической насторожённости» в условиях высокой неопределённости. Для российского пользователя ИИ-система нередко воспринимается как источник потенциального риска, что связано с особенностями восприятия неопределённости, уровнем институционального доверия и субъективной оценкой угроз, сопровождающих внедрение новых технологий [12]. В отличие от западных культур, где доверие к инновациям часто носит авансированный характер, в российском контексте преобладает установка на «верифицируемое доверие». Принятие технологии происходит преимущественно через рациональную проверку её надежности, что подтверждается данными социологических опросов⁵.

Данный тип отношения может быть обозначен как «функциональный прагматизм». В его рамках доверие делегируется ИИ-системе лишь в той мере, в какой её действия предсказуемы, а результаты поддаются проверке в рамках имеющихся когнитивных схем пользователя.

Непрозрачность алгоритмов («эффект черного ящика») актуализирует защитные механизмы и снижает готовность к взаимодействию, требуя дополнительных адаптационных усилий со стороны субъекта [4; 5].

В этой связи в российском контексте усиливается запрос на внедрение механизмов объяснимого ИИ (Explainable AI, XAI), обеспечивающих прозрачность и интерпретируемость решений. С психологической точки зрения объяснимость

⁴ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ № 490. URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 15.04.2026).

⁵ ВЦИОМ. Доверие к искусственному интеллекту в России: аналитический отчет. 2023. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

выступает ключевым фактором формирования доверия, поскольку снижает неопределённость и усиливает субъективное чувство контроля пользователя, что подтверждается современными исследованиями доверия к автоматизированным системам [17; 20].

Институциональная легитимизация и роль «технологического патернализма». Следующим значимым аспектом выступает влияние дистанции власти на структуру доверия. В российском контексте, характеризующемся высоким значением данного показателя, ответственность за безопасность и этичность ИИ-решений в значительной степени переносится на макросоциальные институты – государство и крупные технологические компании. Такая модель соответствует особенностям культур с высокой дистанцией власти, описанным Г. Хофстеде [21].

В этих условиях формируется феномен, который можно обозначить как «технологический патернализм»: уровень доверия к конкретному продукту во многом определяется не его внутренними характеристиками, а статусом и легитимностью институционального субъекта, стоящего за его внедрением. Подобная зависимость усиливает значимость механизмов внешнего регулирования и институционального контроля.

В российской практике ключевую роль в формировании доверенной среды играют нормативные и этические рамки развития ИИ⁶, а также отраслевые рекомендации и стандарты⁷. Дополнительное значение имеют механизмы публичной ответственности разработчиков и экспертные оценки, формирующие институциональные гарантии соблюдения этических норм⁸.

Функцию поддержания доверия выполняют и аналитические материалы государственных исследовательских структур⁹, способствующие интерпретации технологических изменений и снижению уровня социальной неопределённости. В совокупности данные инструменты формируют своего рода «социальный буфер», легитимизирующий использование алгоритмических решений и снижающий тревожность за счет апелляции к институциональной ответственности.

Таким образом, в российском контексте складывается модель доверия, опосредованная государственным и корпоративным контролем, что выступает важным условием преодоления социальной резистентности к автоматизации [27; 29].

Реляционные механизмы доверия к ИИ в странах Юго-Восточной Азии

В противоположность российскому функционально-прагматическому подходу, восприятие ИИ в странах Юго-Восточной Азии во многом определяется ценностями коллективизма и ориентацией на поддержание социальной гармонии. Экстраполяция результатов межкультурных исследований позволяет утверждать, что доверие в данном регионе носит преимущественно реляционный характер и формируется в контексте социальных взаимодействий и культурных норм [17; 23].

⁶ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта / Аналитический центр при Правительстве РФ. М., 2021. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁷ Информационное письмо Банка России от 9 июля 2025 г. N ИИ-016-13/91 "О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке. М., 2025. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412205164/> (дата обращения: 13.04.2026).

⁸ ГОСТ Р 71476 — 2024. Концепции и терминология искусственного интеллекта (серия ГОСТ Р ИИ). М.: Росстандарт, 2022. <https://files.stroyinf.ru/Data/838/83860.pdf> (дата обращения: 13.04.2026).

⁹ Аналитический центр при Правительстве РФ. Материалы по тематике искусственного интеллекта. URL: <https://ac.gov.ru/news?topic=iskusstvennyj-intellekt-ii> (дата обращения: 13.04.2026).

Коллективистская модель и эффект «социального присутствия». Специфика восприятия ИИ в коллективистских культурах региона раскрывается в исследованиях, подчёркивающих значимость групповой динамики и социального контекста для формирования доверия [17; 23]. В этих условиях доверие к интеллектуальным системам формируется под влиянием не только их воспринимаемой эффективности, но и социальных норм, коллективного опыта и мнений значимых групп, что подтверждается современными работами по доверию к автоматизированным системам [20; 24].

Для культур стран Юго-Восточной Азии характерно восприятие технологии не как изолированного инструмента, а как участника коллективного взаимодействия. Если в российском контексте ИИ оценивается прежде всего с позиции индивидуальной эффективности, то в странах Юго-Восточной Азии ключевым фактором принятия становится воспринимаемая социальная полезность и способность ИИ-системы поддерживать внутригрупповое единство, что отражается в практике разработки культурно адаптированных технологических решений¹⁰.

Особого внимания заслуживает феномен «социального присутствия» (social presence). В высококонтекстных культурах пользователи склонны к более выраженной антропоморфизации ИИ-агентов, приписывая им социально значимые характеристики. Доверие в данном случае формируется на основе восприятия системы как участника взаимодействия, а не нейтрального инструмента.

Современные исследования показывают, что использование социально ориентированных коммуникативных стратегий: вежливости, учета культурных норм и иерархии – способствует повышению доверия пользователей и снижению психологической дистанции между человеком и машиной [17; 19; 20]. Это позволяет переводить взаимодействие с ИИ в плоскость квазисоциального партнерства.

Лингвокультурная адаптация как драйвер доверия. Ярким примером реализации концепции «культурной калибровки» в регионе Юго-Восточной Азии является разработка семейства языковых моделей SEA-LION (Southeast Asian Languages in One Network)¹¹. С социально-психологической точки зрения подобные инициативы направлены на снижение культурного разрыва между глобальными ИИ-моделями и локальными социокультурными контекстами их применения.

Проблема универсальных систем (в том числе крупных языковых моделей) заключается в том, что их обучение в значительной степени опирается на данные, отражающие ценности индивидуалистических культур, что может приводить к рассогласованию с локальными нормами и ожиданиями пользователей. В ответ на это развитие региональных моделей опирается на институциональные стратегии, ориентированные на согласование технологических решений с культурной спецификой региона¹².

Современные исследования доверия к ИИ показывают, что соответствие системы языковым и культурным ожиданиям пользователя является существенным фактором её принятия [17; 24]. В этом контексте проект SEA-LION, учитывающий лингвистические и культурные особенности языков региона, способствует формированию того, что можно обозначить как «культурное доверие».

Пользователь в данном случае склонен доверять системе постольку, поскольку она «распознает» его культурную идентичность и функционирует в рамках понятных ему коммуникативных и этических норм. Это согласуется с выводами межкультурных исследований, согласно которым в коллективистских

¹⁰ ASEAN Guide on AI Governance and Ethics. 2024. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

¹¹ SEA-LION (Southeast Asian Languages in One Network). URL: <https://sea-lion.ai> (дата обращения: 15.04.2026).

¹² ASEAN Guide on AI Governance and Ethics. 2024. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

обществах инклюзивность и контекстуальная релевантность алгоритма могут выступать более значимыми факторами доверия по сравнению с его формальной прозрачностью [22; 28].

Сравнительно-сопоставительный анализ кросс-культурных моделей доверия к ИИ

Сопоставление выявленных в исследовании моделей доверия к ИИ-системам позволяет выйти за рамки описательной типологии и поставить вопрос о природе алгоритмической лояльности как культурно обусловленного феномена. Представленные данные свидетельствуют о наличии глубинной дихотомии в социально-психологических механизмах принятия ИИ, укоренённой не столько в уровне технологического развития, сколько в базовых установках восприятия неопределённости, социального взаимодействия и институционального доверия [19; 20; 21].

В этом контексте можно говорить о формировании двух относительно устойчивых векторов доверия. Для российского социума характерна модель, развивающаяся в координатах «контроль – прозрачность – безопасность», где ключевым условием принятия технологии выступает её предсказуемость и нормативная закреплённость. В странах Юго-Восточной Азии, напротив, доминирует вектор «гармония – инклюзивность – социальная сопричастность», в рамках которого технология оценивается через ее способность поддерживать социальное равновесие и соответствовать коммуникативным нормам [18; 22; 28].

Принципиально важно, что данное различие затрагивает не только когнитивный, но и аффективный уровень доверия. В российском контексте прослеживается тенденция к рационализации взаимодействия: алгоритм воспринимается как инструмент, требующий проверки и контроля. Доверие здесь не является исходной установкой, а формируется постепенно – через подтверждение надежности и снижение неопределённости. В этой связи объяснимость ИИ приобретает не только прикладное, но и методологическое значение, выступая механизмом легитимации технологии в глазах пользователя [17; 24; 25].

В культурах стран Юго-Восточной Азии наблюдается иная логика: на первый план выходит не столько предсказуемость, сколько социальная уместность. Алгоритм включается в систему межличностных отношений и начинает функционировать как элемент коммуникативной среды. Его оценка осуществляется не только по критериям эффективности, но и с точки зрения соответствия нормам вежливости, иерархии и сохранения социальной гармонии [20; 28; 30].

Это позволяет говорить о качественных различиях в восприятии ИИ в разных культурных контекстах. Если в российской модели ИИ преимущественно рассматривается как инструмент, находящийся под контролем пользователя, то в ряде азиатских культур он чаще воспринимается как активный участник взаимодействия, чьи рекомендации и решения могут наделяться большей самостоятельной значимостью. Подобные различия подтверждаются исследованиями взаимодействия человека и автоматизированных систем [20; 26].

При этом включение технологии в жизненное пространство требует от субъекта определённых психологических ресурсов. Готовность к взаимодействию с ИИ определяется уровнем развития рефлексивных и регуляторных механизмов, позволяющих интегрировать технологические решения в структуру повседневной деятельности [4; 5; 6]. Это подтверждает вывод о том, что алгоритмическая лояльность не является пассивным принятием, а представляет собой результат активного соотнесения возможностей личности с культурными нормами и требованиями цифровой среды. Таким образом, она выступает не только следствием культурного давления, но и продуктом личностной регуляции.

Несмотря на поляризацию моделей, можно выделить и точку их пересечения – значимость институционального фактора как медиатора доверия. Высокая дистанция власти, характерная для обоих регионов, обуславливает зависимость отношения к ИИ от авторитета структур, стоящих за его внедрением [16; 21].

Однако основания доверия к данному авторитету различаются. В российском контексте они связаны прежде всего с ожиданиями контроля, безопасности и минимизации рисков, тогда как в странах Юго-Восточной Азии – с поддержанием социальной гармонии, согласованности действий и общественной стабильности. Это способствует формированию более интегративной модели доверия к технологиям.

Различается и логика преодоления неопределённости. В российской практике она достигается через формализацию и регламентацию, тогда как в азиатских культурах – через включение технологии в коллективный контекст и опору на социальные нормы [22; 28].

Данное различие указывает на существование альтернативных стратегий адаптации к цифровой реальности, каждая из которых обладает собственной внутренней рациональностью. В этой связи принципиально важно, что алгоритмическая лояльность не может быть сформирована в рамках универалистских подходов к проектированию ИИ.

Игнорирование культурной специфики приводит к эффекту «алгоритмической резистентности», который выражается в снижении доверия к технологиям и отказе от их использования. Напротив, учет социально-психологических и культурных факторов позволяет создавать системы, способные эффективно интегрироваться в различные социокультурные контексты [20; 24; 29].

Таким образом, доверие к ИИ представляет собой динамический и многослойный феномен, формирующийся на пересечении когнитивных, аффективных и институциональных факторов. Его исследование требует междисциплинарного подхода и отказа от представления о технологической нейтральности ИИ, поскольку именно культурный контекст задает рамки его восприятия и принятия [19; 21].

Социально-психологические механизмы формирования и коррекции доверия к ИИ

В условиях нарастающей цифровизации и расширения применения ИИ-систем в повседневной практике особую значимость приобретает проблема снижения «алгоритмической насторожённости» как устойчивого социально-психологического феномена.

Проведённый сравнительный анализ показывает, что универсальные технологические решения демонстрируют ограниченную эффективность вне учета культурной специфики, что обуславливает необходимость перехода к моделям адаптивного, культурно-чувствительного проектирования ИИ. Данный вывод согласуется с современными исследованиями доверия к технологиям, в которых подчёркивается значимость культурных факторов и социального контекста взаимодействия [19; 20].

Предлагаемая концепция «дифференцированной калибровки» предполагает многоуровневую настройку не только интерфейсных характеристик, но и базовых логик функционирования алгоритмов с учетом доминирующих когнитивных и ценностных паттернов конкретного социума [21; 24].

При этом речь идет не о поверхностной локализации, а о системной интеграции культурных переменных в архитектуру ИИ, что соответствует современным подходам к разработке доверенных и интерпретируемых интеллектуальных систем [17; 27].

Когнитивные механизмы доверия (российский контекст). В российском социокультурном пространстве ключевым фактором, определяющим уровень доверия, выступает потребность в когнитивной определённости. Как было показано ранее, высокий уровень избегания неопределённости формирует у пользователя установку на рационализацию взаимодействия с технологией [21].

В этой связи развитие технологий объяснимого ИИ следует рассматривать не только как технологическое направление, но и как инструмент снижения психологической напряжённости, связанной с неопределённостью и потерей контроля. Исследования доверия к ИИ показывают, что уровень доверия напрямую зависит от степени интерпретируемости и понятности алгоритмических решений [17; 20; 24].

При этом объяснимость должна быть не формальной, а когнитивно релевантной – соответствующей ментальным моделям пользователя и его опыту взаимодействия с технологической средой, что подтверждается результатами эмпирических исследований восприятия ИИ [2; 10].

В рамках снижения «алгоритмической насторожённости» в российском контексте можно выделить несколько приоритетных направлений:

- разработка многоуровневых объяснительных интерфейсов, адаптированных к различным уровням цифровой грамотности – от визуальных интерпретаций до детализированных технических объяснений;
- интеграция механизмов обратной связи, позволяющих пользователю не только воспринимать, но и оспаривать решения алгоритма, что поддерживает ощущение субъектности и контроля [4; 5];
- внедрение прозрачных механизмов алгоритмической подотчётности, усиливающих восприятие справедливости и обоснованности решений системы [27].

Таким образом, в российском контексте функциональная модель доверия формируется через три взаимосвязанных компонента: понятность, проверяемость и контролируемость. Данная логика позволяет трансформировать «алгоритмическую насторожённость» в форму конструктивного взаимодействия с технологией, способствуя более эффективной адаптации личности к цифровой среде [4; 21].

Социально обусловленные механизмы доверия (страны Юго-Восточной Азии). В отличие от российского функционально-прагматического подхода, в странах Юго-Восточной Азии доверие к ИИ формируется не только на основе оценки его эффективности, но и под влиянием социальных норм, групповых ожиданий и особенностей межличностного взаимодействия. Исследования доверия к автоматизированным системам и межкультурных различий показывают, что в подобных социокультурных контекстах технология воспринимается не только как инструмент, но и как элемент социальной среды, встроенный в существующую систему социальных отношений [17; 20; 28]. В этой связи для снижения алгоритмической насторожённости в регионе Юго-Восточной Азии ключевую роль играют следующие факторы:

- культурно адаптированная антропоморфизация интерфейсов, позволяющая воспринимать ИИ-агента как участника коммуникации;
- соблюдение норм иерархической вежливости, что особенно значимо для культур с высокой дистанцией власти [21];
- способность системы учитывать коммуникативные нормы – косвенность, контекстуальность, избегание конфронтации, – что способствует повышению доверия пользователей [20; 24].

Особого внимания заслуживает способность современных интеллектуальных систем воспроизводить социально приемлемые модели коммуникации и эмоционального реагирования. Исследования показывают, что такие характеристики могут способствовать формированию доверия и повышению вовлечён-

ности пользователей во взаимодействие с ИИ¹³. В странах Юго-Восточной Азии значение подобных механизмов может усиливаться под влиянием культурных норм, ориентированных на поддержание социальной гармонии и недопущение потери «лица» в процессе коммуникации.

Реализация данного принципа требует глубокой лингвокультурной адаптации алгоритмов и учета специфики коммуникативных практик пользователей, что подтверждается исследованиями взаимодействия человека и интеллектуальных систем [17; 28].

Следовательно, формирование доверия в регионе происходит по логике: социальная уместность → культурная чувствительность → групповая полезность [19; 22].

Гибридные институционально-культурные модели доверия. Отдельного внимания заслуживает формирование гибридных моделей доверия, сочетающих институциональные гарантии и культурные механизмы адаптации. В условиях глобализации и активного распространения международных стандартов регулирования ИИ наблюдается постепенное сближение подходов к формированию доверия, однако при их синтезе в модели сохраняется ядро национальной специфики.

Проведённый анализ показывает, что устойчивые модели доверия формируются на пересечении институционального и культурного факторов: с одной стороны – через механизмы регулирования и легитимации, с другой – через соответствие социальным нормам и ценностям конкретного общества [21; 27].

На этой основе можно выделить три перспективных направления развития гибридных моделей.

Во-первых, разработка кросс-культурных протоколов проектирования ИИ, предполагающих включение этнопсихологических параметров и ценностных переменных в процессы обучения и тестирования моделей. Подобный подход соответствует современным исследованиям доверия, подчёркивающим значимость культурного контекста при взаимодействии с технологиями [19; 20].

Во-вторых, развитие адаптивных интерфейсов, способных осуществлять динамическую подстройку под культурный и когнитивный профиль пользователя, переключаясь между функциональной и реляционной логикой взаимодействия [17; 24].

В-третьих, усиление институциональной медиации доверия, предполагающей возрастание роли государственных и общественных регуляторов как посредников между сложными технологическими системами и пользователями. Данный вектор соответствует современным тенденциям развития доверия к автоматизированным системам, в которых институциональный фактор выступает ключевым элементом легитимации технологий [20; 27].

Адаптационные ресурсы личности в цифровой среде

Развитие доверия к ИИ целесообразно рассматривать как частный случай более широкого процесса – социально-психологической адаптации личности к цифровой среде. В этом контексте оправдано обращение к классическим и современным исследованиям адаптационных механизмов, трактующим адаптацию как установление соответствия между субъектом и изменяющимися условиями среды [4; 5; 13].

Современные исследования показывают, что успешность адаптации в условиях цифровизации определяется уровнем развития регуляторных, когнитив-

¹³ Artificial Emotional Intelligence in Socially Assistive Robots for Older Adults: A Pilot Study <https://arxiv.org/abs/2201.11167>

ных и рефлексивных ресурсов личности, обеспечивающих способность к осмысленному взаимодействию с технологическими системами [4; 5; 6].

Применительно к взаимодействию с интеллектуальными системами это проявляется в следующем:

- развитая рефлексивность позволяет субъекту осмысленно перерабатывать новый технологический опыт и тем самым снижать уровень алгоритмической тревожности;
- сформированные когнитивные стратегии обеспечивают критическое, но конструктивное восприятие инноваций, без их полного отвержения;
- социальная включенность выступает буфером, снижая риск цифровой дезадаптации и чувства отчуждения в автоматизированной среде [22; 28].

Таким образом, формирование доверия к ИИ выходит за рамки технологической задачи и приобретает характер фундаментального процесса личностной трансформации. Он предполагает актуализацию ресурсов субъектности, позволяющих переходить от пассивного следования алгоритмическим рекомендациям к осознанному и критически выверенному взаимодействию с цифровыми системами [4; 5].

В конечном итоге снижение алгоритмической настороженности представляет собой двусторонний процесс, включающий как адаптацию самих технологий к культурному контексту, так и развитие психологической готовности пользователя к жизни в условиях алгоритмизированной среды [20; 24].

Институциональные и нормативные основания формирования доверия к ИИ

Социально-психологическое доверие не может существовать в правовом вакууме. В последние годы и в России, и в странах Юго-Восточной Азии формируются базовые регуляторные подходы к развитию и применению технологий ИИ, направленные на обеспечение их безопасности, прозрачности и социальной приемлемости. Данные процессы соотносятся с современными исследованиями доверия к технологиям, подчёркивающими значимость институциональных механизмов легитимации инноваций [19; 27].

В Российской Федерации ключевую роль играет формирование этических и нормативных рамок использования ИИ¹⁴, отражающих общественный запрос на повышение прозрачности и ответственности алгоритмических решений. Как показывают исследования, доверие к технологиям в подобных условиях тесно связано с восприятием справедливости и подотчётности систем [18; 20].

В свою очередь, в странах Юго-Восточной Азии развитие регуляторных подходов ориентировано на согласование технологического прогресса с культурными нормами и поддержание социальной гармонии¹⁵. Данный подход подтверждается межкультурными исследованиями, демонстрирующими, что институциональные рамки доверия в коллективистских обществах выполняют не только контролирующую, но и интегративную функцию [22; 28].

Реализация указанных принципов закрепляется в стратегических документах, формирующих институциональную основу цифрового развития региона¹⁶ и обеспечивающих согласование технологических инноваций с социально-культурными особенностями [24; 30].

¹⁴ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта / Аналитический центр при Правительстве РФ. М., 2021. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

¹⁵ ASEAN Guide on AI Governance and Ethics. 2024. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

¹⁶ ASEAN Digital Masterplan 2025. Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), 2021. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Digital-Masterplan-2025.pdf> (дата обращения: 15.04.2026).

Заключение

Проведённое исследование позволяет существенно расширить представления о природе доверия к системам искусственного интеллекта и рассматривать его не как универсальный когнитивный механизм, а как сложный, культурно детерминированный феномен [21; 24].

Прежде всего, следует подчеркнуть, что доверие к ИИ формируется на пересечении технологического, социального и психологического измерений, причём их соотношение варьируется в зависимости от культурного контекста. Игнорирование данного обстоятельства приводит к снижению эффективности внедрения ИИ и росту социальной устойчивости, что подтверждается современными исследованиями доверия к автоматизированным системам [18; 20]. Таким образом, доверие к ИИ выступает не только индикатором технологической зрелости общества, но и отражением глубинных культурно-психологических структур, определяющих характер взаимодействия человека и цифровой среды [20; 21].

Сравнительный анализ показал, что:

- в российском обществе доминирует рационализированная модель доверия к ИИ, основанная на контроле, прозрачности и институциональных гарантиях [4; 5; 21];
- в странах Юго-Восточной Азии – социально обусловленная модель доверия, в которой ключевую роль играют социальная гармония, эмпатия и культурная конгруэнтность [22; 24; 28].

Важно отметить, что данные модели не являются взаимоисключающими. В условиях глобальной цифровой трансформации наблюдается их постепенная конвергенция, что открывает возможности для разработки универсальных, но культурно адаптивных решений [27; 30].

Особую значимость приобретает вывод о том, что доверие к ИИ невозможно обеспечить исключительно за счёт технологического совершенствования. Необходима комплексная стратегия, включающая:

- развитие объяснимых и прозрачных алгоритмов [17; 24];
- интеграцию культурных и коммуникативных особенностей пользователей [22; 28];
- формирование институциональных механизмов ответственности и легитимации технологий [20; 27];
- развитие адаптационного потенциала личности [4; 5; 6].

С теоретической точки зрения работа вносит вклад в развитие кросс-культурной психологии цифровой среды, предлагая интерпретацию доверия как динамического, контекстуально обусловленного процесса, формирующегося на пересечении когнитивных, аффективных и институциональных факторов [19; 21].

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при:

- разработке международных ИИ-продуктов;
- формировании стратегий цифровой трансформации;
- создании программ повышения цифровой грамотности населения.

В перспективе представляется целесообразным углубление эмпирических исследований с использованием смешанных методологий, а также расширение географии анализа за счёт включения других культурных регионов, что позволит уточнить универсальные и специфические механизмы доверия к технологиям.

Список литературы:

1. Базаров Т.Ю., Лобанова Т.Н. Изменение организационной среды в ходе цифровой трансформации общества: тенденции, иллюзии и парадоксы // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16. № 3. С. 5-28. DOI: 10.17759/sps.2025160301 EDN: AZNZEY
2. Винокуров Ф.Н., Садовская Е.Д. Экспериментальное сравнение доверия искусственному интеллекту и человеку в экономических решениях // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 2. С. 87-100. DOI: 10.17759/exppsy.2023160206 EDN: SNJPGZ
3. Гришина Н.В. Человек во взаимодействии с окружающим миром: от ситуации к контексту // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16. № 4. С. 31-48. DOI: 10.17759/sps.2025160403 EDN: DXLTSA
4. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психология глобальных рисков. М.: Институт психологии РАН, 2018. 402 с. EDN: YNOGIN
5. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35-47. DOI: 10.31857/S020595920006074-7 EDN: TBJZAK
6. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Психология жителей Интернета. Москва: ЛКИ, 2011. 224 с. EDN: QYBPHB
7. Лебедева Н.М. Ценности культуры и имплицитные теории инновативности // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 25-40. EDN: PFZSAB
8. Микляева А.В. Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 2. С. 5-11. DOI: 10.17759/sps.2024150201 EDN: BNNAQQ
9. Моторина Л.Е. Взаимосвязь человека и робота как феномен социального взаимодействия // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 38-54. DOI: 10.17759/sps.2023140103 EDN: RRJGPV
10. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Воздействие новых технологий на личность и общество: Перспективы психологических исследований // Сборник: Мифология века НТР: Утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки. М.: «Ленанд», 2020. С. 113-132. EDN: NMCYWT
11. Нестик Т.А. Искусственный интеллект как когнитивный протез. Трансформация образов будущего // Образовательная политика. 2019. № 4(80). С. 104-117. EDN: BJMDGY
12. Нестик Т.А. Социально-психологические предикторы отношения личности к искусственному интеллекту и роботизации // Социальная и экономическая психология. Сборник научных трудов. Сер. «Труды Института психологии РАН», 2018. Т. Часть 2. С. 406-428. EDN: YPIIAX
13. Овсяник О.А., Якимова Е.М. Исследование этнической идентичности студенческой молодежи в условиях образовательной эмиграции // Личность: ресурсы и потенциал. 2024. № 2(22). С. 38-49. EDN: EMUCBM
14. Проявление агрессивного поведения в процессе социально-психологической адаптации личности / О.А. Овсяник [и др.] // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 1. С. 36-47. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-32 EDN: TLJVLX
15. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Клишевич А.С. Смешанная среда с дополненной реальностью: эффекты присутствия // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 2. С. 4-19. DOI: 10.17759/exppsy.2023160201
16. Davis F.D. Perceived usefulness and ease of use and User Acceptance of Information Technology // MIS Quarterly. 1989. Vol. 13. N 3. P. 319-340. DOI: 10.2307/249008

17. Explainable Artificial Intelligence (XAI): What We Know and What Is Left to Attain Trustworthy Artificial Intelligence / S. Ali [et al.] // Information Fusion. 2023. Vol. 99. P. 101805. DOI: 10.1016/j.inffus.2023.101805 EDN: GGGAPC
18. Gefen D., Karahanna E., Straub D. Trust and TAM in Online Shopping: An Integrated Model // MIS Quarterly. 2003. Vol. 27. N 1. P. 51-90. DOI: 10.2307/30036519 EDN: EABRSH
19. Glikson E., Woolley A. W. Human trust in artificial intelligence: Review of empirical research // Academy of Management Annals. 2020. Vol. 14. N 2. P. 627-660. DOI: 10.5465/annals.2018.0057 EDN: EIFRDA
20. Hoff K., Bashir M. Trust in Automation: Integrating Empirical Evidence on Factors That Influence Trust // Human Factors. 2015. Vol. 57. N 3. P. 407-434. DOI: 10.1177/0018720814547570
21. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3d edition. New York: McGraw-Hill Professional, 2010. 576 p.
22. Huang H., Bashir M. Users' Trust in Automation: Cultural Perspective / Advances in Human Factors in Robots and Unmanned Systems - Proceedings of the AHFE 2017 International Conference on Human Factors in Robots and Unmanned Systems. Springer Cham, 2018. Vol 595. P. 282-289.
23. Ikeda S. Exploratory Investigation of the Effects of Perspective Taking and Awareness of Vulnerability on Impressions of Robots // Social psychology and society. 2024. Vol. 15. N 2. P. 155-163. DOI: 10.17759/sps.2024150210
24. Lee J., See K. Trust in Automation: Designing for Appropriate Reliance // Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society. 2004. Vol. 46. N 1. P. 50-80. DOI: 10.1518/hfes.46.1.50_30392
25. Muir B., Moray N. Trust in automation. Part II. Experimental studies of trust and human intervention in automated systems // Ergonomics. 1996. Vol. 39. N 3. P. 429-460. DOI: 10.1080/00140139608964474
26. Parasuraman R., Riley V. Humans and Automation: Use, Misuse, Disuse, Abuse // Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society. 1997. Vol. 39. N 2. P. 230-253. DOI: 10.1518/001872097778543886
27. Riedl R., Fischer T., Reuter M. Measuring digital stress in the workplace context: Short version of the Digital Stressors Scale (DSS) // Informatik-Spektrum. 2023. Vol. 46. N 5-6. P. 235-239. DOI: 10.1007/s00287-023-01553-9 EDN: WOHOKU
28. The Effect of Culture on Trust in Automation: Reliability and Workload / S.-Y. Chien [et al.] // The ACM Transactions on Interactive Intelligent Systems. 2018. Vol. 8. N 4. P. 1-31. DOI: 10.1145/3230736
29. Thiebes S., Lins S., Sunyaev A. Trustworthy artificial intelligence // Electronic Markets. 2021. Vol. 31. N 2. P. 447-464. DOI: 10.1007/s12525-020-0441-4
30. User Acceptance of Information Technology: Toward A Unified View1 / V. Venkatesh [et al.] // MIS Quarterly. 2003. Vol. 27. N 3. P. 425-478. DOI: 10.2307/30036540

Cross-cultural determinants of trust in artificial intelligence systems (a comparative analysis of socio-psychological patterns in Russia and Southeast Asia)

Makarochkina Nataliia Viktorovna

Postgraduate Student of Department of Personality Psychology in Management Systems, FEDM GSPM, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation

e-mail: nama67@mail.ru

RSCI SPIN code: 5033-8455

Scientific Supervisor:

Ovsyanik Olga Alexandrovna

Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Personality Psychology in Management Systems, FEDM GSPM, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation

e-mail: ovsianik@mail.ru

RSCI SPIN code: 7718-3237

ORCID: 0000-0003-0274-1702

Abstract

This article analyzes the cross-cultural determinants of trust in artificial intelligence systems within Russian and Southeast Asian socio-cultural contexts. The study aims to identify the socio-psychological mechanisms underlying the formation of trust in artificial intelligence and to examine their cultural conditionality. The methodological framework includes theoretical analysis, systematization, and synthesis of academic literature, as well as a comparative analysis of approaches to trust within human-AI interaction using G. Hofstede's cultural dimensions theory and F. Davis's Extended Technology Acceptance Model (TAM2/TAM3). The research identifies two dominant trust patterns: a functional-pragmatic pattern (Russia) and a relational-harmonizing pattern (Southeast Asian countries), which differ regarding the roles of uncertainty, institutional factors, and social norms. Furthermore, the concept of «cultural calibration of algorithms» is proposed. The theoretical significance of the study lies in advancing the cross-cultural approach to technology trust, while its practical value stems from the application of the findings in developing culturally adaptive artificial intelligence systems.

Keywords

• artificial intelligence • cross-cultural psychology • technology trust • cultural dimensions • Russia • Southeast Asian countries • algorithmic ethics •

References:

1. Bazarov T. Yu., Lobanova T. N. The Changing the Organizational Environment during the Digital Transformation of Society: Trends, Illusions, and Paradoxes // *Social Psychology and Society*. 2025. Vol. 16. N 3. P. 5-28. DOI: 10.17759/sps.2025160301 EDN: AZNZEY
2. Vinokurov F.N., Sadovskaya E.D. Whom we trust more: AI-driven vs. human-driven decision-making // *Experimental Psychology (Russia)*. 2023. Vol. 16. N 2. P. 87-100. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160206> EDN: SNJPGZ
3. Grishina N.V. Man in Interaction with the Surrounding World: From Situation to Context // *Social Psychology and Society*. 2025. Vol. 16. N 4. P. 31-48. DOI: 10.17759/sps.2025160403 EDN: DXLTSA
4. Zhuravlev A.L., Nestik T.A. *Psychology of Global Risks*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2018. 402 p. EDN: YNOGIH
5. Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Socio-psychological consequences of the introduction of new technologies: promising research directions// *Psychological Journal*. 2019. Vol. 40. N 5. P. 35-47. DOI: 10.31857/S020595920006074-7 EDN: TBJZAK
6. Kuznetsova Yu.M., Chudova N.V. *Psychology of Internet residents*. Moscow: LKI, 2011. 224 p. EDN: QYBPHB
7. Lebedeva N.M. Cultural Values and Implicit Theories of Innovativeness // *Social Sciences and Modernity*. 2012. N 5. P. 25-40. EDN: PFZSAB
8. Miklyaeva A.V. Digital Society and Digital Socialization: Prospects for Socio-Psychological Research // *Social Psychology and Society*. 2024. Vol. 15. N 2. P. 5-11. DOI: 10.17759/sps.2024150201 EDN: BNNAQQ
9. Motorina L.E. HRI as a Phenomenon of Social Interaction // *Social Psychology and Society*. 2023. Vol. 14. N 1. P. 38-54. DOI: 10.17759/sps.2023140103 EDN: RRJGPV
10. Nestik T.A., Zhuravlev A.L. Impact of New Technologies on Person and Society: Respective Directions for Psychological Research// *Collection: Mythology of the Age of Scientific and Technological Revolution: Utopias, Myths, Hopes, and Reality of the Latest Scientific Directions*. Moscow: Lenand, 2020. P. 113-132. EDN: NMCYWT
11. Nestik T.A. Artificial Intelligence as a Cognitive Prosthesis or Mediator: Transformation of Imagined Futures // *Educational Policy*. 2019. N 4(80). P. 104-117. EDN: BJMDGY
12. Nestik T.A. Socio-psychological predictors of personality attitude towards artificial intelligence and automation // *Social and Economic Psychology. Collection of Scientific Papers. Ser. «Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences»*, 2018. Vol. Part 2. P. 406-428. EDN: YPIIAX
13. Ovsyanik O.A., Yakimova E.M. Empirical study of ethnic identity of students in conditions of emigration// *Personality: Resources and Potential*. 2024. N 2(22). P. 38-49. EDN: EMUCBM
14. Manifestation of Aggressive Behavior in the Process of Social and Psychological Adaptation of the Person / O.A. Ovsyanik [et al.] // *Modern Research of Social Problems*. 2015. N 1. P. 36-47. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-32 EDN: TLJVLX
15. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Klishevich A.S. Mixed Environment with Augmented Reality: the Effects of Presence in Game Interaction Situation // *Experimental Psychology*. 2023. Vol. 16. N 2. P. 4-19. DOI: 10.17759/exppsy.2023160201
16. Davis F. D. Perceived usefulness and ease of use and User Acceptance of Information Technology // *MIS Quarterly*. 1989. Vol. 13. N 3. P. 319-340. DOI: 10.2307/249008
17. Explainable Artificial Intelligence (XAI): What We Know and What Is Left to Attain Trustworthy Artificial Intelligence / S. Ali [et al.] // *Information Fusion*. 2023. Vol. 99. P. 101805. DOI: 10.1016/j.inffus.2023.101805 EDN: GGGAPC

18. Gefen D., Karahanna E., Straub D. Trust and TAM in Online Shopping: An Integrated Model // MIS Quarterly. 2003. Vol. 27. N 1. P. 51-90. DOI: 10.2307/30036519 EDN: EABRSH
19. Glikson E., Woolley A.W. Human trust in artificial intelligence: Review of empirical research // Academy of Management Annals. 2020. Vol. 14. N 2. P. 627-660. DOI: 10.5465/annals.2018.0057 EDN: EIFRDA
20. Hoff K., Bashir M. Trust in Automation: Integrating Empirical Evidence on Factors That Influence Trust // Human Factors. 2015. Vol. 57. N 3. P. 407-434. DOI: 10.1177/0018720814547570
21. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3d edition. New York: McGraw-Hill Professional, 2010. 576 p.
22. Huang H., Bashir M. Users' Trust in Automation: Cultural Perspective / Advances in Human Factors in Robots and Unmanned Systems - Proceedings of the AHFE 2017 International Conference on Human Factors in Robots and Unmanned Systems. Springer Cham, 2018. Vol 595. P. 282-289.
23. Ikeda S. Exploratory Investigation of the Effects of Perspective Taking and Awareness of Vulnerability on Impressions of Robots // Social psychology and society. 2024. Vol. 15. N 2. P. 155-163. DOI: 10.17759/sps.2024150210
24. Lee J., See K. Trust in Automation: Designing for Appropriate Reliance // Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society. 2004. Vol. 46. N 1. P. 50-80. DOI: 10.1518/hfes.46.1.50_30392
25. Muir B., Moray N. Trust in automation. Part II. Experimental studies of trust and human intervention in automated systems// Ergonomics. 1996. Vol. 39. N 3. P. 429-460. DOI: 10.1080/00140139608964474
26. Parasuraman R., Riley V. Humans and Automation: Use, Misuse, Disuse, Abuse // Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society. 1997. Vol. 39. N 2. P. 230-253. DOI:10.1518/001872097778543886
27. Riedl R., Fischer T., Reuter M. Measuring digital stress in the workplace context: Short version of the Digital Stressors Scale (DSS) // Informatik-Spektrum. 2023. Vol. 46. N 5-6. P. 235-239. DOI: 10.1007/s00287-023-01553-9 EDN: WOHOKU
28. The Effect of Culture on Trust in Automation: Reliability and Workload / S.-Y. Chien [et al.] // The ACM Transactions on Interactive Intelligent Systems. 2018. Vol. 8. N 4. P. 1-31. DOI:10.1145/3230736
29. Thiebes S., Lins S., Sunyaev A. Trustworthy artificial intelligence // Electronic Markets. 2021. Vol. 31. N 2. P. 447-464. DOI: 10.1007/s12525-020-0441-4
30. User Acceptance of Information Technology: Toward A Unified View1 / V. Venkatesh [et al.] // MIS Quarterly. 2003. Vol. 27. N 3. P. 425-478. DOI: 10.2307/30036540

Поступила в редакцию: 28.04.2026

Рецензия получена: 28.05.2026

Принята в печать: 08.06.2026